

Глава 28. Тоска смертная

Цан Доушаню вдруг сделалось невыносимо скучно. С отвращением швырнув на пол бумажный фонарь, он перевёл взгляд на Вэйшэна, перекладывая всю заботу на его плечи:

— И что теперь делать?

— Ты одурманил их благовониями Поднимающейся Пыли? — спросил Вэйшэн.

— Угу, — буркнул тот.

— Погоди. Сперва нужно навести в лавке порядок, — Вэйшэн, хоть и готовился к подобному исходу, не ожидал, что неприятности нагрянут так скоро. Ему требовалось время, чтобы всё обдумать и сообразить, как действовать дальше.

Цан Доушань лишь глубже зарылся в кресло, всем своим видом показывая, что разговаривать не намерен.

Вэйшэн вышел на улицу, размышляя на ходу. Мимо то и дело сновали слуги, вынося мусор; они вполголоса, но яростно проклинали того подлеца, который умудрился подбросить им нефрит, привлекающий насекомых.

Вскоре у Вэйшэна созрел план. Он сходил на улицу, принёс несколько кувшинов самого крепкого вина и щедро плеснул его на пол в кабинете, отчего комната мгновенно пропиталась тяжёлым хмельным духом. Строго-настрого запретив кому бы то ни было приближаться к дверям, он устроился прямо на пороге на низеньком табурете. Листая приходные книги, он молча прикидывал в уме, во сколько обойдётся возвращение прежнего дела, когда всё это утихнет.

Ближе к вечеру, рассудив, что время пришло, он сменил благовония в курильнице, нарочито раскидал по столу бумаги, дочиста съел оставленные Цан Доушанем сладости, превратив стол в натюрморт из крошек и объедков, а затем принялся нещадно хлестать визитёров по щекам:

— Господа? Очнитесь же, господа!

Стражники зашевелились, с трудом разлепили веки и, увидев за окном сгущающиеся сумерки, окончательно растерялись:

— Что... что стряслось?

Вэйшэн натянул самую любезную улыбку, хотя в душе мечтал окунуть обоих головой в нужник:

— Да вы, господа, изволили лишнего пригубить. Уснули так крепко, что мы и потревожить вас не решились.

— Пригубить?.. — один из них недоверчиво потянул носом, принюхиваясь к собственному рукаву. От него действительно разило сивухой за версту, что сбивало с толку ещё сильнее.

Не давая им опомниться, Вэйшэн тут же перехватил инициативу:

— Так что, господа почтенные, закончили проверку книг?

— А... нет, ещё нет, — замялся стражник, переглянувшись с напарником, а затем выдал с самым напыщенным видом: — Эти книги нам придётся забрать с собой. Для детального досмотра.

Улыбка на лице Вэйшэна мгновенно увяла.

— Вот как? — процедил он, а в следующий миг со всего маху обрушил тяжёлый гроссбух на голову говорившего. — Да пошли вы к чёрту со своими проверками!

От неожиданности стражник отпрянул, потерял равновесие и вместе со стулом с грохотом повалился навзничь. Вэйшэн, не теряя ни секунды, оседлал его и принялся осыпать градом ударов. Второй попытался было выхватить клинок из ножен, истошно вопя:

— Бунт! Нападение на власть! Я тебя... а-а-а!

Договорить он не успел: кулак Вэйшэна встретился с его переносицей. Брызнула кровь. Стражник, шатаясь от головокружения, отступил на несколько шагов, зажимая разбитое лицо.

— Слуги закона, говорите? Да у вас на рожах написано, что вы за швали! Хоть бы притворяться научились, псы плешивые! — Вэйшэн рассвирепел не на шутку. Схватив за шиворот того, что валялся на полу, он с силой швырнул его в окно. Деревянная рама с хрустом разлетелась в щепки, и тело вывалилось наружу.

Разделавшись с первым, он обернулся ко второму. Подняв обмякшего бедолагу за шиворот, Вэйшэн принялся методично, с отмашкой хлестать его по щекам. Лишь когда лицо стражника распухло и превратилось в бесформенное месиво, гнев нападавшего немного утих.

Прибежавший на шум Цан Доушань при виде этого побоища едва не лишился чувств. Он бросился к хрипящему на полу стражнику, торопливо проверяя пульс и осматривая повреждения. К счастью, тот отделался лишь сломанным ребром да крепким сотрясением.

— Да ты совсем рассудок потерял, ублюдок?! — взревел Цан Доушань.

— И пусть! Зато душу отвёл, — огрызнулся Вэйшэн, вытирая пот со лба.

— Они же простые смертные! А если бы ты их пришиб?! — Цан Доушань от ярости едва не брызгал слюной. — Разве забыл, что за убийство обычных людей заклинателю грозит тяжелейший кармический долг? К тому же они при исполнении! Как мы перед управой оправдываться будем, если они копыта отбросят?

Вэйшэн вмиг переменялся в лице и, расплывшись в дурашливой улыбке, невинно развёл руками:

— Ну у тебя же есть твои чудодейственные благовония?

Цан Доушань поперхнулся воздухом. Некоторое время он лишь беззвучно хватал его ртом, не находя слов от такой наглости, и наконец выдавил:

— Благовония Поднимающей Пыли не всеильны! Ты хоть представляешь, каких трудов стоит их изготовить?!

Но Вэйшэн лишь отмахнулся с самым беспечным видом:

— Да брось. Деньги у нас будут, хоть на сотню цзиней этих твоих трав хватит.

В итоге Цан Доушаню пришлось скрепя сердце снова пустить в ход бесценный порошок, чтобы замести следы за своим непутёвым поделником. Избитые до полусмерти стражники, хоть и смутно подозревали неладное, в своих затуманенных головах не смогли нащупать ни единой зацепки. Им не оставалось ничего другого, кроме как поверить, будто они спяну повздорили друг с другом и устроили потасовку. Лавку они покидали с гудящими головами и полным недоумением на опухших лицах под приторно-вежливые поклоны хозяев.

Едва силуэты незадачливых визитёров растаяли вдали, Вэйшэн обернулся к напарнику:

— Думаешь, завтра опять кто-нибудь заявится?

— Уверен, что да, — мрачно отозвался тот.

На следующий день Обитель Бессмертного Чайника осталась закрытой, и всё прошло тихо. Но на третий день, стоило распахнуть двери в самый разгар утреннего часа дракона, когда на улице бурлила толпа, у порога лавки объявилась некая особа. Прикрывая ладонями жуткое, багровое от язв лицо, она принялась во весь голос причитать, созывая зевак. Женщина со слезами уверяла прохожих, что здешние торговцы — бессовестные мошенники, подсунувшие ей ядовитые румяна, которые начисто сгубили её девичью красу. Выла она истошно, заламывая руки и не жалея голосовых связок.

Её представление действительно отвадило случайных прохожих. Впрочем, постоянные покупатели лишь брезгливо обходили крикунью стороной, а некоторые даже недоуменно интересовались у Цан Доушаня, почему он до сих пор не выставит эту скандалистку взащей — уж больно слух резала.

На все расспросы тот лишь загадочно улыбался.

Спустя час, когда голосить у женщины больше не осталось сил, а её горло окончательно пересохло, Цан Доушань неторопливо сошёл с крыльца, держа в руках глиняную пиалу.

— Пить хочешь? — мягко спросил он.

Женщина зыркнула на него исподлобья, лихорадочно пытаясь угадать, в чём подвох, и хрипло выплюнула:

— Живодёр! Сгубил моё лицо, а теперь благодетеля из себя строишь? Ну уж нет! Пока не возместишь ущерб, я отсюда ни на шаг не двинусь!

Цан Доушань лишь покачал головой:

— Признаться, усердия тебе не занимать. Но ведь для женщины нет ничего ценнее собственного лица. На тебя же смотреть больно, бедняжка. Я мог бы вернуть тебе прежнюю красоту. Неужели откажешься от такого предложения?

Крикунья на мгновение засомневалась, но она упрямо мотнула головой:

— Не нужны мне твои подачки!

— Тебе, верно, щедро пообещали те, кто тебя нанял? — вкрадчиво продолжил Цан Доушань. — Вот только уверена ли ты, что эти господа сдержат слово и исцелят тебя? Люди они богатые, влиятельные... Отыграют свою роль, выбросят тебя как ненужную ветошь, и кому ты тогда пойдёшь жаловаться?

Напускное высокомерие окончательно сползло с лица женщины. Она судорожно сжала кулаки, лишившись дара речи.

Заметив это, Цан Доушань с улыбкой протянул ей пиалу чуть ближе:

— Пей же, горло промочи. А после я научу тебя, как вернуть былую кожу. С тебя потребуется лишь уйти отсюда. И дело сделаешь, и плату сохранишь, да и лицо сэкономишь. Разве плохо?

Слова упали на благодатную почву. Жажда и страх взяли своё: женщина выхватила пиалу и жадно, в несколько глотков осушила её до дна.

Цан Доушань едва заметно и жестоко усмехнулся.

— Что ж, уговор есть уговор. Пришла пора вернуть тебе лицо, — он едва сдерживал смех, наблюдая, как на бледнеющем лице собеседницы проступает животный ужас. О, это было поистине великолепное зрелище. — Уж не знаю, кто надоумил тебя на этот шаг, но они, похоже, забыли упомянуть, насколько ядовит сок призрачной пыльцы.

— Твоя кожа сгнила до самого основания. Надежды нет, — обыденным, почти скучающим тоном вынес он приговор. — Этот сок разъедает плоть, оставляя после себя лишь гноящиеся язвы и уродливые рубцы на всю жизнь. И пускай ты нанесла лишь разбавленную каплю, её разрушительной силы хватило с лихвой.

Женщина в ужасе распахнула рот, силясь закричать, но из её горла вырвался лишь глухой, едва различимый хрип.

Цан Доушань смерил её брезгливым взглядом:

— Хватит с меня этого шутовства. У всякого зла есть имя — вот и ступай к тем, кто тебя изуродовал, а к нам соваться не смей. Снадобье лишило тебя голоса всего на три дня, так что убирайся.

Она рванулась к нему, пытаясь уцепиться за полы халата, но Цан Доушань ловко отпрянул. В тот же миг из дверей выскочил Вэйшэн, замахав руками:

— Пошла прочь! Руки убери, не смей пачкать господина!

Несчастная скривилась от невыразимой смеси злобы и отчаяния. Беззвучно рыдая и пряча изуродованные щёки в ладонях, она, спотыкаясь, побрела прочь по пыльной улице.

— Сама виновата, дура, — сплюнул ей вслед Вэйшэн. — Жалко её, да противно.

<http://bllate.org/book/18329/1863962>